

1923.10.18. Цигут – Пиццардо

Москва, 18-10-23

Ваше Преосвященство,

Думаю, что Ваше Преосвященство уже располагает исчерпывающими сведениями о "покаянии" главы Русской Церкви, тем не менее, считаю нужным, что я обязан сообщать Вашему Преосвященству информацию о местной обстановке напрямую.

Прежде всего, должен отметить, что, несмотря на все опровержения со стороны элемента, оппозиционному правительству, как за границей, так и внутри страны, неодобрительные заявления, с которыми Тихон выступил по поводу своего прошлого поведения относительно советского правительства, являются истинными, они многократно подтверждены, и ни в одном его публичном выступлении не были опровергнуты.

По моему мнению, и согласно приобретенным мною знаниям о психологии русского народа и о его религии, "трагедия" Патриарха не могла и, я бы сказал, не должна была закончиться никак иначе, а только лишь "фарсом".

Бывший Патриарх Тихон, как его называют правительственные органы, или гражданин Белавин Васильевич [так в тексте – прим. перев.], как его называет "Реформаторская" церковь, а теперь "синодальная", находился в чрезвычайных обстоятельствах и, следовательно, нуждался в чрезвычайной помощи для того, чтобы иметь возможность противостоять слабости и спасти "Церковь", жертвуя своей собственной жизнью.

Казалось, что Патриарх испытывал такие чувства до тех пор, пока верил, что возможен политический реванш, но потеряв надежду на это, думаю, он решил, что лучше изобразить "mea culpa" за все свои политические грехи, и выйти таким образом из заключения.

Большевизм значительно выиграл, чего нельзя сказать о правде.

Если бы Патриарха судили и приговорили к смерти ради блага "раскольнической церкви", я убежден, что религиозный раскол имел бы новый, более фанатически выраженный импульс, чем в прошлом.

Раскол, на самом деле, есть, он продолжается, но продолжается, будучи разделенным на фракции.

Духовенство борется с тем, чтобы захватить церковную власть.

Тихон вышел из темницы, осудил "Реформу" со всеми ее приверженцами и сторонниками, а Реформаторская церковь, в свою очередь, сочла необходимым осудить Патриарха, запретив ему отправление всех видов религиозных служб: запрет, на который он не обращает внимания, тогда как другие не обращают внимания на его осуждения. И делается все это согласно канонам! - Бедные каноны, при помощи которых и волки сыты, и овцы целы!

Таков вкратце синтез того, что происходит в "Единой Экуменической Церкви", как назвал ее Тихон в одной из своих последних проповедей.

Народ тем временем страдает, и страдает он от голода духовного. Это правда, что массы, включая класс образованных людей, не имеют точного понимания своего "крedo". То, вероятно, что они знают, — это православная Церковь, чьи основы истины не кажутся мне поддающимися постижению: звучит странно, но это так.

На 31 июля был назначен диспут между архиепископом Введенским, главой Реформации, и епископом Илларионом, сторонником "Его Святейшества" Патриарха Тихона. Как стало известно на месте проведения мероприятия, сторонники Тихона не получили никакого приглашения, - ни персонального, ни официального.

Организаторы диспута сочли, что будет достаточно пригласить его посредством афиш, расклеенных по городу.

Народ, ничего не подозревая, собрался на этот диспут в большом количестве. Среди тысяч зрителей и любопытных довелось присутствовать и мне.

В девять часов вечером указанного дня великолепный зал грандиозной Московской консерватории был переполнен народом. Через несколько минут председательствующий на собрании объявил его открытым и представил публике архиепископа Введенского в качестве первого докладчика.

Однако поскольку масса публики была враждебна Введенскому, последние слова председателя, ранее уже неоднократно прерывавшиеся, были заглушены криками неодобрения и недовольства.

Не привыкший к таким неожиданным сценам, я подумал, что это конец.

Среди криков ура и долой тем временем место на трибуне занял представленный докладчик.

При его появлении в публике раздались крики: «Кто это говорит, кто говорит-то?».

Признак большой путаницы!!

Председатель, обращаясь ко всем, отвечал: "Это архиепископ Введенский". - "Мы его не знаем и не признаем, долой узурпаторов, долой...". - «А теперь кончайте шуметь», - крикнул председатель.

Но глухой шум продолжался, и только через десять минут удалось расслышать резкий голос докладчика.

Обращаясь к публике, он сказал: "Граждане, как вам известно, сегодня должен был состояться диспут на тему: 1) "Искренность покаяния Тихона"; 2) "С кем идти?"; 3) "Куда идти?"".

Мы ждали противников, но если они не пришли и приходиться не намерены, то это не наша вина. Последние слова архиепископа были заглушены воплями возмущения. Со всех сторон большого зала кричали: "Вранье, вранье, обманщики, верните наши деньги!". Никогда неслыханный и нигде невиданный скандал! Во всем зале случился переполох и сумятица, и милиция забегала.

Увидя подобное, я был ошеломлен, не зная, что делать, и не желая исполнять роль кролика, сел на свое место, и с него уже не вставал. Обращаясь к своему спутнику, я посоветовал ему оставаться спокойным и не подавать никаких признаков одобрения или, напротив, неодобрения, с тем чтобы не нарваться на какую-нибудь неприятную неожиданность.

Народ тем временем продолжал бушевать. Архиепископ старался в полный свой голос перекричать шум, производимый публикой.

Когда все немного успокоились, архиепископ обратился к священникам-последователям Тихона, предложив желающим занять место Иллариона.

Толпа, недовольная этим предложением, потребовала, чтобы был приглашен Илларион, который, по слухам с разных сторон, служил в одной из московских церквей.

Между тем в этой неразберихе появился-таки на трибуне архимандрит Евгений, человек невысокого роста, с длинными бородой и волосами. Глубоко потрясенный, о чем свидетельствовал его потерянный взгляд, он начал говорить: "Дорогие братья и сестры, ваше поведение, ваше послушание, привязанность и любовь к "Его Святейшеству" наполняют меня радостью и энтузиазмом.

Так как я был внезапно призван защищать тезисы "Его Святейшества" с этой трибуны, сообщаю вам всем, дорогие братья и сестры, что я скорее предпочту умереть, чем приму активное участие в диспуте без благословения "Его Святейшества нашего Патриарха".

За этим вступлением последовали нескончаемые восторженные возгласы и аплодисменты. Таким образом, толпа высказалась против Реформы. Архиепископ Введенский смог возобновить свое начатое и много раз прерванное выступление, но едва он произнес несколько фраз в адрес официальной церкви – опять его заглушили ругань и шум.

Из-за того, что его постоянно перебивали, он стал нервничать, и стукнул кулаком по столу. Публика, увидев это, начала стучать ногами, да так шумно, что зал консерватории превратился в настоящий митинг.

Архиепископ, еще больше раздраженный, стал настаивать, чтобы все, кто не собирается его слушать, вышли.

Толпа сразу встала на ноги, как один человек, готовая выйти на улицу, и оставалась в таком положении более 30 минут. Народ, стоящий на ногах, угрожающе настроенный, а на трибуне какой-то попрошайка, просящий хлеба, а не слов. Это была сцена, которую трудно описать. Эдакая аберрация душ.

После получаса, прошедшего во взаимном враждебном противостоянии, все немного устали: архиепископ оттого, что молчал все это время, а публика оттого, что слишком разгорячилась. Народ сам стал рассаживаться по своим местам, а докладчик опять взял слово, и так как Введенский говорил достаточно хорошо, он смог овладеть массой, и в течение часа его слушали, не прерывая. Но когда, изложив в хронологическом порядке все беды православия в царское время, он опять атаковал духовенство и его реакционное поведение во время заключения мира в Бестлитовске [так в тексте - прим. перев.], в зале поднялся такой крик и протесты, что больше ничего понять было невозможно.

Поединок продолжался долго. Разъяренный председатель сказал, что если архиепископу не позволят продолжать хотя бы еще "45" минут, он не даст слово ни одному другому оратору. За этим заявлением председателя последовали изумительные сцены. По прошествии двух часов шума, Введенскому пришлось вернуться на свое место, так и не закончив свое выступление, и председатель дал сторонникам Тихона высказаться.

Вторым оратором, если можно так его назвать, защитником церкви Тихона, был молодой человек. Встреченный нетерпеливыми аплодисментами, прежде всего, он сообщил публике о своей встрече с Илларионом, передав слова, сказанные ему непосредственно епископом Илларионом, о том, что ни Тихон, ни он сам не получали приглашения на этот диспут.

Представьте себе, какой возник скандал!!!

После этого, наградив Введенского несколькими публичными оскорблениями (и в этом сторонников Тихона нельзя назвать неправыми), он ничего не сказал более, что могло бы меня заинтересовать, и что было бы достойно внимания. Затем, поднялся на трибуну рабочий-протестант, который, объявив себя независимым и от реформаторской церкви, и от Тихона, настойчиво внушал о необходимости религиозной жизни. Между прочим, он сказал, что, хотя не признает и не может одобрить эту Реформу, тем не менее, он не может не отметить ее заслуги в том импульсе, который был дан интересу к духовной жизни.

Русская общественность, сказал он, никогда не интересовалась сокровенными вопросами религии, ее значимостью для общественной и нравственной жизни. Мы были верующими, а зачем, для какой цели, не знали.

Последовавшие затем речи представляли собой довольно простые оскорбления, это было особенно заметно у сторонников Тихона.

Последним взял слово один старичок из евангелистов. Говорил он о необходимости духовной жизни, основанной на учении Библии и Евангелия. Он осудил православную церковь за то, что она вела классовую борьбу, подстрекающую к ненависти, в то время как христианская жизнь должна быть жизнью любви и милосердия.

В подтверждение своего утверждения он вспомнил Папу Пия X, который был проводником истинного христианского милосердия. Он сказал, что Пий X в начале европейской катастрофы, когда Ему предложили благословить оружие, ответил, что Он благословляет только мир. Оттолкнувшись от этого тезиса, он выступил против Тихона, который объявил анафему тем, кто заключил Брест-Литовский мир. Старик говорил долго, но народ уже заскучал и не очень вежливо стал выходить с таким шумом, что не позволил оратору развить свою мысль.

После этой первой публичной дискуссии были еще другие, в которых по очереди выступили: Введенский, Илларион и Антонин. Архиепископ Введенский продолжал пропагандировать радикальную реформу в жизни Православной Церкви, епископ Илларион, великий демагог и сторонник Тихона говорил, что Русская Церковь не должна отступать от своей прошлой линии; затем последним выступал бывший митрополит Антоний, в настоящее время ушедший на покой. Может быть, из-за своего сварливого характера, он высмеял всех и сказал, что спор между двумя церковными течениями глупый, так как оба они признали большевистский режим.

Вот в нескольких строках хаос Русской Церкви.

Все это, по моему слабому разумению, должно было произойти для того, чтобы доказать русскому народу, что раскольническая церковь не обрела обещания о вспомоществовании от Святого Духа, но то, что не должно было произойти, так это то, как действуют наши польские священники.

Чтобы избежать долгих рассказов, отмечу лишь, что здесь в Москве, каждое воскресенье наши священники говорят по три и более раз для публики, но всегда на национальном языке, кроме разве коротенькой проповеди на русском языке поздно вечером.

Здесь в Москве, относительно много католиков, которые знают русский язык, но не польский, и поэтому они теряют веру, потому у них нет человека, с тем чтобы поддержать их в трудные дни, когда пересыхает источник духа.

В заключение могу ли сказать, что националистический шовинизм есть величайший враг религиозной жизни.

Вашего Преосвященства,
Цигут

Archivio Centrale Salesiano. ASC. D-543-II. Написано от руки: *Это копия, направленная монс. Пиццардо*